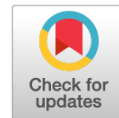

Карл Шмитт о феномене Гитлера в истории Германии: попытка литературного самопознания

Баев Валерий Григорьевич,

кандидат исторических наук, доктор юридических наук,
профессор кафедры теории и истории государства и права Юридического института
Тамбовского государственного технического университета,
Почетный работник высшего профессионального образования
E-mail: vgbaev@gmail.com

Аннотация. В статье анализируется психологическое состояние ученого, ищущего самооправдания за сотрудничество с преступной властью (после ее крушения). Романтические идеи и размышления о самозванчестве Карла Шмитта — поиск убедительной версии собственного конформизма. Автор статьи показывает, что конформизм типичен для всей немецкой юридической профессуры эпохи нацизма: они, опираясь преимущественно на юридический позитивизм, оправдывали свое поведение тем, что отстаивали позиции государства, несмотря или вопреки нацизму. Случай Шмитта особый: он стал теоретиком Рейха, который впоследствии отринул его идеи.

Основной тезис статьи в том, чтобы понять, при каких обстоятельствах конформизм релятивизирует профессионализм и размывает границы между наукой и идеологией, истиной и ложью, — проблема интересная с точки зрения отношений ученых и тиранов (Платон и Дионисий, Вольтер и Фридрих, старые юристы и большевики и т.д.). При таком подходе статья нацелена на определение границы между конформизмом и сотрудничеством, выявляя факторы, определяющие ее переход в общем и произошедший у Шмитта в частности.

Ключевые слова: Левиафан, Германия, Гитлер, К. Шмитт, Шиллер, психология и социология науки, идеология, конформизм.

Актуальность темы исследования. Карл Шмитт — фигура сама по себе интересная. И не только в философском смысле. Он родился в самом конце XIX в. и захватил большую часть века двадцатого. Прежде чем начать проникновение в мыслительную сферу Карла Шмитта, необходимо рассказать о нем самом. Он заслуживает этого.

Левиафан — это политический символ. О «смысле и неудаче» этого символа правовед К. Шмитт написал известную книгу «Левиафан в учении Томаса Гоббса о государстве»¹. Данным произведением К. Шмитт (1888–1985) позиционировал себя в национал-социалистских дебатах о тоталитарном государстве.

На какой стороне баррикад тогда стоял он, неясно, поскольку до сих пор не прекращаются споры о его политических пристрастиях — двойственность была естественным признаком его натуры. В условиях политической цензуры и преследований Шмитт, один из влиятельнейших академических сподвижников прихода Гитлера

к власти², вынужден был играть на различиях между экзотерическими (общепонятными, популярными) высказываниями и эзотерическим (для посвященных в его тайну) значением его произведений. Начиная с 1933 г., Шмитт буквально и публично высказывался в пользу пришедшего к власти национал-социализма. В то же время книгой о Левиафане, написанной в 1938 г., он четко и доступно (экзотерически) аргументировал свои соображения о недопустимости «тоталитарного государства». С другой стороны, используя эзотерический язык, он говорил о необходимости использования политического мифа как инструмента объединения общества. С помощью мифа государство может достигать того, что не удалось сделать мечом: завоевать веру управляемых. Позднее Шмитт высказывал эзотерическую критику национал-социализма. В 1938 г. он написал, но не опубликовал предупреждение читателям: «Осторожно, мой дорогой, — пишет он. — Книга эта насквозь

¹ Schmitt C. Der Leviathan in der Staatslehre des Thomas Hobbes. Sinn und Fehlschlag eines Symbols. Hamburg, 1938.

² Оценка самого Шмитта. См. Schmitt C. Glossarium. Aufzeichnungen der Jahre 1947–1951. Hrsg. von E. von Medem. Berlin, 1991. S. 197.

эзотерическая, и ее эзотерика растет в той степени, с какой ты углубляешься в книгу. Лучше не брать ее в руки!»³. Этой литературной фикции Шмитт дал имя «Бенито Серено», через образ литературного героя, прикованного на взбунтовавшемся судне капитана из новеллы американского писателя Германа Мелвилла (1819–1891), Шмитт отразил свою собственную роль при национал-социализме.

Творческая лаборатория К. Шмитта напоминает вырубленные глубоко под землей шахтные туннели, в конце которых стоят рядом две фигуры: Ф. Шиллер и А. Гитлер. Шмитт никогда не разделял классических канонов буржуазного образованного общества; и после 1945 г. он думал о Гитлере и национал-социализме совсем по-другому, нежели современная ему историография ФРГ⁴.

После 1945 г. Шмитт использовал два способа трактовки национал-социализма: историко-правовой и историко-духовный. Комментарий к ним можно найти в его многослойных, многозначных зарисовках, которые появились в печати в 1991 г. (после его смерти) под названием «Глоссарий». Первое ключевое понятие его методологии — легальность, второе — гениальность. Вместе они позволяют дать полный ответ на вопрос о причинах фашизации Германии.

К методу историко-правовой дедукции (вывод по правилам логики) национал-социализма Шмитт прибегает в различных вариантах⁵, отмечая при этом трансформацию правового понятия в антитезу легальности и легитимности; последнее служит ему ключом для понимания причин и обстоятельств гибели Веймарской республики (вплоть до «легальной революции» и передачи власти Гитлеру). Шмитт был убежден, что формализация права веймарским юридическим позитивизмом облегчила противоречащую здравому смыслу «легальную» революцию, которая с точки зрения конституции была легальной, но по своей сущности имела и иные основания легитимности.

Поскольку историко-правовая дедукция не давала «полного ответа», Шмитт имел в запасе второй, историко-духовный метод, использовавшийся им в качестве ключа для понимания

«мифа вождя». Для того чтобы ознакомиться во всей полноте со шмиттовским толкованием истории, необходимо использовать материалы его наследия. Анализ историко-духовного способа трактовки истории Карлом Шмиттом — задача данной статьи.

Объектом научного интереса является осмысление Шмиттом феномена Гитлера через трактовку Шиллера крупным ученым-филологом Максом Коммереллом. Созданный им образ характеризовался двумя моментами: во-первых, отходом от чисто моралистического описания Шиллера (что соответствовало духу либерального просвещенного бюргерства); и, во-вторых, осовремененным отношением к Шиллеру, творчество которого стало для Шмитта зеркалом его собственной проблематики. После Второй мировой войны философ размышлял о трагике человеческих поступков с опорой на Шиллера. Незаконченный фрагмент Шиллера о Димитрии Самозванце (1804–1805), смелый драматический проект, явился для Шмитта материалом, с помощью которого он объяснял Гитлера и собственную запутанность жизни. Иначе говоря, точка зрения Коммерелла в отношении Шиллера, которую полностью воспринял и Шмитт, помогла ему уяснить собственную позицию и исследовать гитлеровский феномен.

Шмитт усмотрел в Шиллере тирана «духа». Ему пришлось пересмотреть устоявшиеся взгляды и по-новому осветить свои отношения с поэтом. Как, например, это сделал Томас Манн, говоря о старом Гете или вечно молодом Шиллере. Он отошел от привычных оценок Гете и использовал резко критическую риторику, чтобы по-новому определить гуманитарный масштаб своего времени. В юбилейном году Гете (1949 г.) он заново открыл своего Гете, прославляя его как полубога и как чудовище, как сверхчеловека и как нечеловека. Аналогично Шмитт поставил перед собой задачу в рамках полемики о Шиллере дать новую комплексную картину своего времени.

1. Духовно-историческую панораму Шмитта необходимо исследовать в контексте деятельности кружка Георга: это объединение после 1900 г. являлось настоящей лабораторией внутренней политики Германии. Стефан Георг (1868–1933) — «звезда союза», магистр объединения, приверженец Ницше и Гельдерлина. Георг увидел в фигуре поэта Гельдерлина прорицателя, провозвестника нового времени и констатировал смену эпох — переход от буржуазного века к массовому обществу. Его влияние в ученых кругах было велико, хотя сам Георг не рассматривал себя как ученого. «Как мне представляется, ни один путь не ведет к науке», — говорил он в пику своему ученику по объединению Фридриху Гундольфу

³ Mehring R. Hitler-Schiller: Carl Schmitts nachgelassene Hitler-Reflexionen im Licht von Max Kommerells Schiller-Deutung // Leviathan. Zeitschrift für Sozialwissenschaft. 2005. № 2. S. 217.

⁴ В связи с Нюрнбергским трибуналом Шмитт был арестован и допрошен. При допросе в 1947 г. он признался: «Я интеллектуальный авантюрист». Некоторые придерживаются точки зрения, что в Нюрнберге Шмитт был интернирован и использован в качестве эксперта.

⁵ См., напр.: Verfassungsrechtliche Aufsätze aus den Jahren 1924 bis 1954. Materialien zu einer Verfassungslehre. Berlin, 1958.

(1880–1931). Тем не менее, из его кружка вышли знаменитые ученые. Среди филологов наряду с Гундольфом можно назвать Макса Коммерелла.

Коммерелл родился в 1902 г. в Мюнхене и умер в Марбурге в 1944 г. В конце 20-х годов XX в. он вышел из окружения Георга. Но философы вроде В. Бенжамина, М. Хайдеггера или Г.-Г. Гадамера продолжали видеть в нем наиболее выразительного представителя такого понимания литературы, которое репрезентировал кружок. Перед 1933 г. Коммерелл испытывал симпатию к нацистам. С лета 1933 г. однозначно дистанцировался от них.

Близость Шмитта к духовно-историческим взглядам Коммерелла и других членов кружка Георга вытекает из редких ссылок на Гельдерлина, в связи с его рассуждениями о «номосе» как основном понятии права⁶, а также в грубых попытках разрушить культ Гете. Как он полагал, образование этих людей, «представителей буржуазной эпохи», уже не отвечает вызовам времени.

Берлинский спор историков вокруг историчности идеальных ценностей привел к внутреннему разброду среди членов кружка. Шмитт принял участие в этих дискуссиях, после 1918 г. обрушившись с уничтожающей критикой на работу Ф. Мейнеке «Идея государственного резона»⁷. Шмитт упрекнул историзм в том, что его представители не воспринимают политические «идеи» в историко-политическом аспекте, между тем данные понятийные образования распознаются только в контексте конкретной ситуации. Столь же радикально он критикует героев немецкого «Просвещения».

Нападки на образованный мир были характерной особенностью кружка Георга до 1914 г.; потом эту манеру перенял веймарский радикализм. Таким образом, кружок разрушал буржуазный эталон образования, лишая его «героев» способности влиять на историю и создавая взамен мифологию, легенды или историю «славы». Наряду с тенденцией монументализации, возвеличивания ученых, в кружке Георга действовала и противоположная тенденция,

направленная на демонтаж их исторического влияния.

Буржуазному стандарту образования Шмитт противопоставил динамический экспрессионистский антимодернизм и спроецировал его на творчество поэтов, не соответствовавших требованиям его времени. Так, Шмитт возложил на культ Гете ответственность за появление национал-социализма. В «Глоссарии» он приписывает этот специфический взгляд Максиму Коммереллу и политическому философу Эрику Фёгелину: «Специфическое новогерманское понятие расы может быть объяснено только культом Гете», — пишет он 21.12.1947 и протягивает линию от Гете к нацистской элите. А написанную ранее большую монографию Коммерелла о «Поэте как вожде классики» (одно из самых известных произведений, вышедших из недр кружка), а также книгу Э. Фёгелина «О расовой идее в духовной истории от Рея до Каруса» Шмитт рассматривает как публикации, содержащие духовно-историческое разъяснение «вождистской роли» Гете в немецкой истории просвещения⁸.

Знаменитая книга Коммерелла⁹ повествует о внутренней истории немецкой классики от Клопштока через Гете и Шиллера к Жан-Полю и Гёльдерлину. Книга показывает, как поэты выбирали из своих рядов «путеводную звезду» и «вождя». Повествование начинается с Клопштока, «ученика греков», и «пробуждения» Гете Гердером, продолжается описанием Шиллера как помощника Гете и доходит до Жана Поля и Гельдерлина, которые сами уже выбирали своим вождем не Гете, а Гердера и Шиллера. Книга Коммерелла — история дружеско-вражеского разделения, которая кончается с уходом Гете. Сам Коммерелл не отворачивается от Гете и считает его масштабной личностью.

Шмитт, напротив, обозначает свой резкий поворот от Гете. 17.05.1948 он записывает в «Глоссарии»: «Решающим шагом с началом XX в. можно считать переход от гениальности Гете к гениальности Гельдерлина... . “Молодежь без Гете” (название статьи Коммерелла) конкретно означает молодежь с Гельдерлином, то есть переход от оптимистически-иронически-нейтралистской гениальности к пессимистически-активно-трагической гениальности»¹⁰. «Переход» к пессимистическому изложению гениальности Шмитт

⁶ О понятии «номос», сформулированном в «кружке», см.: Salin E. *Civitas Dei*. Tübingen, 1926 (автор описывает распространение христианства как процесс государство-образования); другое программное сочинение кружка: Kantorowicz E. *Kaiser Friedrich der Zweite*. Berlin, 1927 (в нем «тиран» Фридрих воспевается в античной манере, преподносится как антихрист и предтеча Возрождения. Сам Шмитт в литературе предстает в качестве актера, тесно встроенного в имперско-теологическое движение веймарского времени. См.: Koenen A. *Der Fall Carl Schmitts. Sein Aufstieg zum “Kronjuristen des Dritten Reichs”*. Darmstadt, 1995.

⁷ Schmitt C. Zu Friedrich Meineckes “Idee der Staatsräson” (1928) // ders. *Positionen und Begriffe im Kampf mit Weimar-Genf-Versailles*. Hamburg, 1940. P. 45–52.

⁸ В дневниковых записях Шмитта от 21.12.1947 подробно цитируется: «Что объединяет меня с Э. Фёгелином? Он исследовал центральное значение Гете, причем критически; если приходит беда, то духовно-исторически ее можно объяснить только культом Гете».

⁹ Kommerell M. *Der Dichter als Führer in der deutschen Klassik*. Klopstock, Herder, Goethe, Schiller, Jean Paul, Hölderlin. Berlin, 1928.

¹⁰ Schmitt C. *Glossarium*. Berlin, 1991. P. 152.

связывает с окончанием вильгельмовской эры и скатыванием Европы в Первую мировую войну.

2. «Шиллер как творец «человека действия» (homo actor). Брошюра Коммерелла под таким названием оказала влияние на формирование точки зрения Шмитта о Шиллере. В основу книги была положена памятная речь, которую Коммерелл произнес 09.11.1934 в Бонне. Он обращается против существующей буржуазной легенды о Шиллере, в основе которой лежит ошибочное представление о соотношении «идеи» и «поступка». Идеалистически-моральному изображению Шиллера как «мироскорбящему певцу идеалов» он противопоставляет творца «человека действующего»: «Если Шиллер говорит об идее, он говорит и о действии. Если он говорит о действии, он не расстается с идеей. Неприемлемость идеи и поступка, существование идеи возможно при условии ее превращения в поступок — решающее в шиллеровском познании».

В своей речи Коммерелл соединяет драматические образы «людей действия», проводя при этом различия между взглядами мальчиков и зрелых мужей. Он приходит к выводу, что в «Валленштейне» Шиллеру удалось раскрыть состояние напряженности между идеей и действием и проанализировать обратное воздействие поступка на самосознание действующего. Каждый человек действия в минуту опасности может превратиться в «преступника». И поскольку Шиллер указал на роль поступка в его отношении к идее, то он, согласно Коммереллу, не является буржуазным идеалистом и моралистом.

«Для Шиллера идея есть образ действующего. Действующий всегда неправ. Дело — первично, характер — вторичен. До начала действия человек нераскрытый, неопределенный, он лишь многократная возможность, только дело определяет его»¹¹. Перейдя к шиллеровской «Истории заговоров и союзов», которая представляет собой рефлексию общего характера поступков, Коммерелл находит политический ответ Шиллера в его «Учении о добродетелях одного человека, который хотел изменить мир». Путем «самопожертвования чистого образа» достигается реформирование увядшего «ордена»¹². В заключение Коммерелл связывает этот ответ с шиллеровской концепцией «эстетического воспитания». При этом он тщательно избегает прямых сопоставлений с современным контекстом; Шмитт же читает эту речь как комментарий к 1934 г., делая два вывода: во-первых, Коммерелл говорит о еще существующей возможности

реформирования ордена; во-вторых, Шиллер указывает своим планом Димитрия Самозванца на взаимное разрушение иллюзий, на видимость, на наступающий обман¹³.

Многочисленные произнесенные Коммереллом мысли близки взглядам Шмитта. Так, Коммерелл говорит: кто действует, тот имеет власть. Кто исповедует власть, тот продает себя властям. Это жертва во имя идеи. Для человека действующего его поступок остается непонятым. Понимание поступка становится возможным из анализа последствий. А полное понимание — задача для современников и последующих поколений. Коммерелл употребляет для этого слово, ставшее для Шмитта впоследствии ключевым, — «исполнитель, проводник». Он пишет: «Исполнитель завещания — скорее всего изменившийся характер зрителей»¹⁴. Эта сентенция противоречит раннему утверждению о том, что Шиллер прежде всего сам являлся творцом собственной легенды. Вместе с тем важно подчеркнуть, что Шиллер отмечает различие поступка и действия, а совершенный поступок в собственном смысле делает центральным.

В «Глоссарии» Шмитт проецирует нарисованный Коммереллом образ Шиллера на Гитлера. Менее всего здесь интересно обозначение Гитлера как Димитрия, в большей степени — анализ «легенды», сформированной в сознании публики. Немецкий народ, несмотря на растущее понимание того, что его обманывают и превращают в преступника, продолжает эту игру, считает Шмитт. Поверив в Гитлера, народ потерял силу к достижению успеха. Разумеется, Шмитт думает здесь не только о Гитлере, но и о своей роли в национал-социализме. Еще больше, чем Гитлер, он мог видеть себя в роли самозванного Димитрия. Хотя такая идентификация в «Глоссарии» четко не просматривается.

3. Как Шмитт воспринимает в «Глоссарии» работу Коммерелла? Цель «Глоссария» — апологетика. Можно ли вообще описывать собственную жизнь? Следует ли вести дневник, который будут читать другие? И ответ на это: христианину это не положено по причине обязанности к смирению; а если и можно, то только по приказу церковного начальника или святого отца, которому исповедуешься; по божественному наитию или по необходимости защитить себя. А в другом месте (04.04.1949): «я ишу возможность оправдания моего народа от обвинений в преступлениях».

¹¹ Kommerell M. Schiller als Gestalter des handelnden Menschen. Frankfurt am Main, 1934. P. 12.

¹² Ibidem. P. 27.

¹³ Шиллер. План трагедии «Димитрий Самозванец» // Шиллер. Полн. собр. соч. в переводе русских писателей. 7 изд. Т. 2. СПб., 1893. С. 380.

¹⁴ Kommerell M. Schiller als Gestalter des handelnden Menschen. Frankfurt am Main, 1934. P. 24.

Шмитт выразительно называет Гитлера преступником, но постоянно микширует его преступления: «Книболо (имеется в виду Гитлер) был преступником, но ни самым большим (для больших преступлений мировой дух выбирает другие инструменты), ни самым последним». С другой стороны, Шмитт «размывает» преступления фашизма неподобающим обращением союзников с Германией после 1945 г.; это обращение Шмитт называет юстицией победителей. Гитлер, говорит он, есть не более чем агент чужих идей, «пустой усилитель», «простая губка», которого сделала «носителем всех идей» только звериная жажда мести.

В этой перспективе Гитлер предстает как объективный результат развития XIX в. Такая точка зрения остается для Шмитта руководящей. В конечном счете, он не дает определения Гитлеру, но разрушает мифический образ Гитлера. Подобным образом он критикует не столько самого Гете, сколько культ Гете. Анализируя гитлеровскую «легенду», он объявляет Гитлера только инструментом.

Наряду с историко-просветительской доктриной Шмитт использует историко-теологическую, согласно которой Гитлер-актер избран для исполнения замыслов всемогущей трансцендентной идеи. Шмитт в своем «Глоссарии» ссылается на Гегеля и его мнение о всемирно-исторических личностях и полагает, что всемогущая личность способна повлиять на переход в новое состояние. Его замечания относительно Гитлера сочетают два подхода — историко-теологический и историко-просветительский. Историко-теологическая ключевая мысль Шмитта — устоявшееся в дискуссиях с церковным правоведом Рудольфом Зомом убеждение, что «идея всегда незваный гость в реальной действительности»¹⁵. В «Глоссарии» отмечено: «Мировой Дух находит исполнителя и проводника, которые бездуховно (технически) обеспечивают работу предприятия живодерни, как ускорители процесса против воли. Но они ускоряют совсем другие обстоятельства, чем те, которые они хотели бы ускорить». Аналогичные размышления встречаются у Гегеля. У того действуют всемирно-исторические личности, которые, сами того не осознавая, толкают вперед общество в осознании свободы. Но Шмитт не признает этого аспекта прогресса. Он приписывает немецкому народу особую привязанность к Гитлеру. Поэтому Гитлер у него не орудие Бога, а создание народа. Шмитт спрашивает себя: как мог такой необразованный индивид стать вождем культурной

нации?¹⁶ И отвечает на это в статье «Фюрер защищает право». Шмитт характеризует Гитлера как исполнителя (руку) германской истории, как бессознательный инструмент чужих идей. Гегель называет своих героев вождями души, которые являются средствами и инструментами Высокого и Великого, о чем они не догадываются, исполняя чужую волю. В ранней формулировке Шмитта (1934 г.) Гитлер фигурирует как лунатическое существо, позже Шмитт резко выделяет безвольность и бессознательность Гитлера как исполнителя (Гегель) высшего исторического замысла. Какое совпадение! Коммерелл в 1934 г. говорит об «исполнителе», а в 1940 г. о «чистом исполнителе». Он отмечает, что «трагик» видит «судьбу идеи» в истории таким образом, что она или вынуждена страдать от рук нечистоплотного исполнителя или быть обреченной на гибель от руки чистого исполнителя. «Идея завладевает индивидуумом и поэтому всегда выступает для него чужим гостем. Таковым как раз и был Адольф, карикатурным чужаком, характеризовавшийся пустой чистотой своих идей о фюрере, харизме, гениальности и расе. Он был случайным, недетерминированным исполнителем».

Шмитт радикализирует здесь различие между индивидуумом и идеей, предположением полной произвольности, случайности в выборе «исполнителя». Образование кажется ему препятствием. Шмиттовский «исполнитель» вышел на авансцену истории в силу своей чужеродности и «чистоты своих идей», отклонявшихся от традиции. Не перегруженный традицией он мог стать чистым инструментом для нового. Расизм, что Шмитт у Гитлера не может оспорить, он относит в соответствии с историко-духовным методом на Англию и демократию («Гитлер — мрачный результат немецкого англофильства»). «Гитлер не сам нашел себя. Мы должны благодарить за его появление чистые демократические мозги, которые вырубili мифическую фигуру неизвестного солдата первой мировой». «Он есть сумма немецкого прошлого, нарыв абсолютно растрченного тысячелетия».

Историко-философская трактовка Гитлера как чистого исполнителя чужих идей встречается не только у Шмитта. Она получает собственный акцент со ссылкой на Шиллера. Шмитт уточняет свой взгляд на Гитлера как чистого исполнителя у Шиллера.

¹⁵ Schmitt C. *Der Wert des Staates und die Bedeutung des Einzelnen*. Tübingen, 1914. P. 14.

¹⁶ Карл Ясперс вспоминает свой разговор с Хайдеггером, который задавал те же самые вопросы. Ясперс спросил: «Как может необразованный человек руководить Германией?» — «Образование не играет роли, вы посмотрите на его прекрасные руки» // Martin Heidegger — Karl Jaspers. *Briefwechsel 1920-1963*. Hrsg. von W. Biemel und H. Saner. Frankfurt am Main, 1990. P. 257.

4. Шиллер в жизни Шмитта не играл какой-либо значимой роли. В одном письме сестре (1911 г.) Шмитт называет Шиллера великим поэтом. Вообще Шмитт дистанцируется от Шиллера, точнее от культа Шиллера. Пересмотр образа Шиллера возникает под влиянием речи Коммерелла. Шиллеровский «Димитрий Самозванец» стал для философа ключом для понимания исторического Гитлера: «Он не сын моего сердца, он сын моей мести». Шмитт проводит аналогию между заключительной сценой «Димитрия Самозванца», рассказывающей о встрече сына и матери, с гитлеровским отношением к матери-нации. На эту сцену указывал и Коммерелл.

Шмитт причисляет Шиллера к немецкому идеализму и видит доминирование поэта над философом в том, что тот рассматривает мораль политически и одухотворяет политику морали. Шиллер понял, что мораль опровергает себя под воздействием политики, и открыл, что каждый автор под воздействием своего учения становится предателем собственной идеи и преступником. Эти размышления Шмитт вставляет в качестве «Интермеццо» в свой разговор о власти и о доступе к власти предрежающим¹⁷. Там он затрагивает проблему доступа к власти на примере бисмарковского прошения об отставке, а также на основе шиллеровского литературного героя маркиза Поза из «Дона Карлоса». Он рассматривает Шиллера как политического писателя, который инструментализирует литературу, используя ее для политики морали.

Вопрос ответственности ставится Шмиттом в зависимость от конкретных действий, причем любое действие он рассматривает как имеющее ответственность: «Мы виноваты уже в том, что мы действовали». Какую историческую идею исполнял Гитлер, остается неясным. Становится очевидным, что Шмитт проводит различие между немецким образованием и типом Гитлера, делая это центральным пунктом своих размышлений. Его ответ спекулятивно привязывается к Шиллеру и обостряет расхождение мысли и дела, идеи и исполнения. Гитлер одухотворяется литературным образом «Димитрия Самозванца».

5. «Глоссарий» разрешает доступ в творческую лабораторию Шмитта. Все говорит за то, что Шмитт желал его публикации. Глоссарий — еще один путь вхождения в шмиттовское наследие, инструкция для ориентации в лабиринте его архива. Буржуазного порядка здесь не найдете, как и в более ранних дневниках Шмитта. И гитлеровская трактовка присутствует здесь. В архивном собрании есть целая

папка, которая еще раз поднимает проблему сопоставления Гитлера с Димитрием Самозванцем. И снова тут предпринимается попытка уточнения современной истории через поэзию. Разрозненные записи на обложке одной из них — «Кто кого обманул? Гитлер? Гитлер читал Димитрия в середине 1941 г. На втором листе тоже о Гитлере: «Эту жертву германской легальной потребности я для себя ни открыл, ни создал, никогда не называл носителем харизмы и даже ни на одну секунду не считал харизматической личностью».

Гитлеровская конфессиональность тоже занимает Шмитта. Он цитирует замечание теолога Теодора Хекера (1932): «Национал-социализм — это активация бандитских, плебейских инстинктов протестантизма». И в 1970-х годах Шмитт придерживается точки зрения о схожести Гитлера и образа лже-Димитрия. Шмитт читал литературные произведения проблемно-исторически, предпринимая попытки к оформлению определенных задач, вопросов и проблем.

Заключение. Трактовка Коммереллом Шиллера вошла в трактовку Шмиттом Гитлера. Можно сомневаться, имеет ли свое влияние эта трактовка для исторического понимания Гитлера. Бесспорно другое, Шмитт акцентировал центральный вопрос: как стали возможны успехи Гитлера? Почему история остановилась именно на нем? Очевидно, что Шмитт, типологизируя чрезвычайную неправдоподобность (невероятность) Гитлера, искал научный ответ на поставленный вопрос, а творчество Шиллера использовал как инструмент этой типологизации. Несмотря на апологетические мотивы в отношении Гитлера, которые снимают ответственность с Гитлера как исполнителя исторической воли, нельзя сказать, что Шмитт тяготеет к Гитлеру. Но и ФРГ оставалась Шмитту чужой.

Шмитт открыто признавался своему испанскому другу, что это было заблуждением его поколения ожидать от фашизма и от Гитлера живой ориентации и поворота жизни. После 1945 г. он опять напоминает центральный вопрос: сегодняшний мир нормальный или это чрезвычайное положение? И он одобряет, в противовес своему другу, во всяком случае, для Испании «возможность спасительной диктатуры (письмо от 02.10.1976). Какими бы спорными ни оставались шмиттовские толкования, они все же представляют собой интенсивное использование поэзии и творчества как инструмента к историческому сознанию. Они — ключ к собственно шмиттовскому преодолению прошлого. Обращение Коммерелла к «действующему человеку» остается для Шмитта руководящей идеей, если Шмитт подписывает свою книжку о Шекспире вопросом: «Что я сделал?».

¹⁷ Schmitt C. Gespräch über die Macht und den Zugang zum Machthaber. Pfullingen, 1954. P. 18.

Список литературы

1. Шиллер. План трагедии «Димитрий Самозванец» // Шиллер. Полн. собр. соч. в переводе русских писателей. 7-е изд. Т. 2. СПб., 1893.
2. Kommerell M. Der Dichter als Führer in der deutschen Klassik. Klopstock, Herder, Goethe, Schiller, Jean Paul, Hölderlin. Berlin, 1928.
3. Kommerell M. Schiller als Gestalter des handelnden Menschen. Frankfurt am Main, 1934.
4. Mehring R. Hitler-Schiller: Carl Schmitts nachgelassene Hitler-Reflexionen im Licht von Max Kommerells Schiller-Deutung // Leviathan. Zeitschrift für Sozialwissenschaft. 2005. No. 2.
5. Schmitt C. Der Wert des Staates und die Bedeutung des Einzelnen. Tübingen, 1914.
6. Schmitt C. Der Leviathan in der Staatslehre des Thomas Hobbes. Sinn und Fehlschlag eines Symbols. Hamburg, 1938.
7. Schmitt C. Gespräch über die Macht und den Zugang zum Machthaber. Pfullingen, 1954.
8. Schmitt C. Zu Friedrich Meineckes «Idee der Staatsräson» (1928) // ders. Positionen und Begriffe im Kampf mit Weimar-Genf-Versailles. Hamburg, 1940.
9. Schmitt C. Glossarium. Aufzeichnungen der Jahre 1947-1951. Hrsg. von E. von Medem. Berlin, 1991.
10. Verfassungsrechtliche Aufsätze aus den Jahren 1924 bis 1954. Materialien zu einer Verfassungslehre. Berlin, 1958.

Karl Schmitt on the Hitler Phenomenon in German History: an Attempt at Literary Self-Knowledge

Baev Valery,

PhD in History, Doctor of Law,
Professor, Department of Theory and History of State and Law,
Legal Institute of the Tambov State Technical University,
Honorary Worker of Higher Professional Education

Abstract. *The article analyzes the psychological state of a scientist seeking self-justification for cooperation with the criminal government (after its collapse). Romantic ideas and thoughts about the imposture of Karl Schmitt are a search for a convincing version of one's own conformism. The author of the article shows that conformism is typical of the entire German legal profession of the Nazi era: they, relying mainly on legal positivism, justified their behavior by defending the position of the state, despite or contrary to Nazism. Schmitt's case is special: he became a Reich theorist, who subsequently rejected his ideas.*

The main thesis of the article is to understand the circumstances under which conformism relativizes professionalism and erodes the boundaries between science and ideology, truth and falsehood — a problem interesting from the point of view of relations between scientists and tyrants (Plato and Dionysius, Voltaire and Friedrich, old lawyers and the Bolsheviks, etc.). With this approach, the article aims to determine the boundary between conformism and cooperation, identifying the factors that determine its transition in general and in Schmitt in particular.

Key words: *Leviathan, Germany, Hitler, C. Schmitt, Schiller, psychology and sociology of science, ideology, conformism.*

References

1. Shiller. Plan tragedii «Dimitrii Samozvanets» [Plan of the tragedy "Demetrius the Imposter"] // Shiller. Poln. sobr. soch. v perevode russkikh pisatelei. 7-e izd. T. 2. Saint Petersburg, 1893.
2. Kommerell M. Der Dichter als Führer in der deutschen Klassik. Klopstock, Herder, Goethe, Schiller, Jean Paul, Hölderlin. Berlin, 1928.
3. Kommerell M. Schiller als Gestalter des handelnden Menschen. Frankfurt am Main, 1934.
4. Mehring R. Hitler-Schiller: Carl Schmitts nachgelassene Hitler-Reflexionen im Licht von Max Kommerells Schiller-Deutung // Leviathan. Zeitschrift für Sozialwissenschaft. 2005. No. 2.
5. Schmitt C. Der Wert des Staates und die Bedeutung des Einzelnen. Tübingen, 1914.
6. Schmitt C. Der Leviathan in der Staatslehre des Thomas Hobbes. Sinn und Fehlschlag eines Symbols. Hamburg, 1938.
7. Schmitt C. Gespräch über die Macht und den Zugang zum Machthaber. Pfullingen, 1954.
8. Schmitt C. Zu Friedrich Meineckes «Idee der Staatsräson» (1928) // ders. Positionen und Begriffe im Kampf mit Weimar-Genf-Versailles. Hamburg, 1940.
9. Schmitt C. Glossarium. Aufzeichnungen der Jahre 1947-1951. Hrsg. von E. von Medem. Berlin, 1991.
10. Verfassungsrechtliche Aufsätze aus den Jahren 1924 bis 1954. Materialien zu einer Verfassungslehre. Berlin, 1958.